

*Светлой памяти друга,
русского лингвиста
Игоря Павловича Распопова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги — длинная история. Возникновение ее первоначального замысла относится к середине шестидесятых годов, когда автор, под влиянием идей пропагандистов «активной грамматики», поставил перед собой скромную, как ему представлялось, задачу — написать учебное пособие для иностранцев, в котором русские предложения систематизировались бы на содержательных основаниях.

Работа над пособием по обыкновению началась с изучения соответствующей научной литературы и накопления речевого материала. Вскоре, однако, ее пришлось остановить, так как господствовавшая тогда лингвистическая теория с ее последовательной ориентацией на языковую форму не давала никаких точек опоры для содержательного описания в синтаксисе, а рассчитывать на «подсказку» со стороны эмпирического материала в условиях его вполне естественной концептуальной ненагруженности было бессмысленно. Иными словами, на пути к решению поставленной задачи пролегла пропасть. И книга, вероятнее всего, так и осталась бы ненаписанной, если бы не начавшийся на рубеже 60—70-х годов переход синтаксиса на позиции новой научной парадигмы, которая заявила о себе целой серией идей и методик анализа, отмеченных печатью пристального интереса к языковому содержанию. Именно эти идеи и методики (в эффективности которых автор имел возможность убедиться в рамках аспектологии, куда на какое-то время переместились его научные интересы) сделали принципиально возможным возврат к отложенному на неопределенное время замыслу.

Нельзя не упомянуть в этой связи и о других обстоятельствах, благоприятствовавших работе над книгой. Первое в их ряду — многолетнее дружеское общение с ныне покойным Игорем Павловичем Распоповым, оригинальным исследователем русского синтаксиса. Благодаря ему автор ускоренными темпами прошел курс критического осмыслиения действовавшей в ту пору синтаксической теории и оказался в итоге хорошо подготовленным к восприятию новой лингвистической парадигмы. Весьма плодотворной в творческом отношении была также поездка в Австрию, где в течение трех семестров автор преподавал русский язык

студентам университета в Зальцбурге. Здесь, на родине великого Моцарта, он получил поистине уникальные возможности не только для знакомства с прекрасным городом и его окрестностями, но и для спокойного размышления (в обстановке естественного отвлечения от массы повседневных дел, оставленных дома) над занимавшими его проблемами.

И вот как результат счастливого стечения обстоятельств — лингвистических и экстралингвистических — книга готова. Теперь остается лишь предварить ее несколькими оговорками, одинаково важными и для читателя, которому они должны облегчить восприятие изложенного, и для автора, которого они призваны уберечь от критических ударов (если, конечно, те являются следствием неверного толкования его позиций).

Прежде всего в оговорке нуждается общий характер книги. В ходе всевозможных переработок она постепенно утратила изначально присущий ей учебный «привкус» (посообщим ее нельзя назвать даже с очень большой натяжкой!) и стала полноправным представителем работ теоретико-эмпирического цикла, обыкновенно двуличных по своей структуре. В ее первой части обсуждается широкий круг вопросов, так или иначе связанных с принципами систематизации предложений, т. е. с проблемой, которая в последние годы перестала быть исключительно лингвистической: войдя в состав широкомасштабной когнитивной проблематики, имеющей непосредственное отношение к процессам порождения, хранения и передачи человеческих знаний, она привлекла к себе внимание специалистов ряда других наук — философов, логиков, психологов, семиотиков и т. д. Вторая часть книги посвящена системной интерпретации — на основе изложенной концепции — соответствующих речевых фактов, в особенности разного рода отклонений от общих стандартов.

При знакомстве с книгой необходимо иметь в виду, что читатель, даже в условиях «конфликта интерпретаций», не найдет в ней обстоятельной полемики автора с предшественниками и современниками (и уж тем более привычных пространных обзоров литературы вопроса). Этот факт не следует расценивать как неуважение или безразличие к научной традиции, без которой современная лингвистика просто не могла бы существовать. Он есть прямое следствие того, что автор, ограниченный узкими рамками книги, вынужден был довольствоваться неявной конфронтацией развиваемой им концепции с другими, как правило, хорошо известными специалистам концепциями. Представляется, что такой способ изложения, несмотря на свою, может быть, недостаточную наглядность, не помешает читателю воспринять книгу в общем языковедческом контексте (тем более, что в конце каждого из ее «практических» разделов даются краткие историко-лингвистические справки, показывающие поступательное движение научной мысли в процессе освоения соответствующей проблематики).

Некоторым своеобразием отличаются принципы отбора иллюстративного речевого материала. В своих выводах и заключениях автор опирался преимущественно на данные речевой практики последних 40—50 лет (в том виде, в котором она отражена в художественной литературе, публицистике, научной прозе и разговорной речи). Обращение к речевым образцам XIX — начала XX в. (извлеченным из произведений русских классиков и сохранивших старые языковые традиции мастеров русского Зарубежья) допускалось только в том случае, если соответствующие иллюстративные явления подтверждались параллельными явлениями из современной речи. Столь жесткое ограничение речевого материала узкими хронологическими рамками продиктовано стремлением, во-первых, сосредоточить внимание только на тех синтаксических явлениях, которые отвечают современной языковой норме, и, во-вторых, учесть устно-разговорные структуры, которые в последние годы ~~прямо~~ или в преобразованном виде (как особые экспрессивные средства) были перенесены в письменную (по преимуществу художественную или публистическую) речь.

Следующая оговорка касается дилеммы «синхрония — диахрония». Хорошо известно, что методическое разграничение двух указанных аспектов лингвистического описания само по себе было вполне корректным шагом, без которого невозможно было бы изучение языка как системы. Не менее известно также, что это разграничение было проведено с излишней категоричностью, отлившейся в афористичный тезис Ф. де Соссюра: «Противопоставление синхронии и диахронии абсолютно и не терпит компромисса». К настоящему времени, когда стала очевидна истина, что язык существует в каждый данный момент и тем самым существует исторически, эта категоричность в общем-то лингвистической наукой преодолена, но только на чисто теоретическом уровне. Что же касается практики языковедческих исследований, она продолжает жить по старым канонам, в связи с чем соответствующие лингвистические штудии остаются девственно «чистыми»: они являются либо только синхроническими, либо только диахроническими. Между тем, как предупреждают теоретики системного подхода, в процессе своего развития научное познание с необходимостью вступает в такой период, когда последовательное и бескомпромиссное размежевание синхронии и диахронии оказывается тормозом научного прогресса, хотя бы уже потому, что незнание прошлого автоматически ведет к неполноте знаний о настоящем. По мысли автора, этот период для лингвистики уже наступил. Поэтому читателя не должен удивлять тот факт, что в предлагаемой ему книге, ориентированной, как уже говорилось, на изучение синтаксических проблем современного русского языка, часто (хотя и не системно) даются справки диахронического характера. Надо лишь учитывать, что автор в этих случаях руководствовался не страстью к языковому

антиквариату, а исключительно стремлением осмыслить то, что есть, на основе того, что было.

И, наконец, в некоторых разъяснениях нуждается принятая в книге терминология. В ходе разработки содержательной классификации русских предложений автору пришлось столкнуться с определенными противоречиями, которые возникли между исторически сложившейся терминологической системой и новым понятийным аппаратом (что в общем-то обычно при смене угла зрения в любом научном исследовании). На первый взгляд, эти противоречия проще всего было бы разрешить радикальным способом — вводом принципиально новой системы терминов, которая достаточно строго соответствовала бы развивающимся в книге положениям. Однако такой шаг мало бы чем отличался от лобовой кавалерийской атаки танковых колонн — настолько он идет вразрез со сложившейся традицией: обыкновенно люди, как подметил М. Блок (Блок, 1986, с. 15), не имеют привычки при замене старых воззрений новыми менять словарь и предпочитают вкладывать новое содержание в старые термины. В согласии с этим мудрым правилом, обеспечивающим надежную связь времен, автор стремился сохранить, где это только можно, традиционную номенклатуру синтаксических обозначений, специально оговаривая всякого рода сдвиги в их содержании. К терминологическим новшествам пришлось прибегнуть (любой компромисс все-таки имеет свои границы!) лишь в сравнительно немногих случаях. В частности, были отклонены старые наименования типов предложения, так как эти наименования имеют устойчивую формальную ауру: апеллируя к высокочастотным, но не обязательным для всех случаев внешним признакам, они сплошь и рядом игнорируют (или — что еще хуже — затемняют) сущностные содержательные признаки, конституирующие типы предложений как таковые.

Вот, собственно, и все, что должен иметь в виду читатель перед тем, как приступить к чтению книги. Остальные оговорки, пояснения, замечания будут сделаны в свое время и на своем месте — или в Введении, или непосредственно в процессе изложения соответствующих проблем.

Введение

Язык, как и все человеческое существование (и даже более того — как и весь окружающий человека мир), покоятся на стандартах и стереотипах, выявление и квалификация которых составляют главное содержание любого лингвистического исследования. И поскольку синтаксический строй того или иного языка (в нашем случае русского) не представляет исключения из общего правила (он стандартизован не в меньшей степени, чем все другие языковые ярусы), конечная цель типологического описания его единиц — предложений оказывается вполне очевидной. Она состоит в том, чтобы на основе анализа сходств и различий свести бесконечное множество высказываний, порождаемых носителями языка в процессе общения, к ограниченному набору иерархически организованных разрядов, в основании которых лежат типовые синтаксические модели.

Очевидно также, что эта цель может быть достигнута при неуклонном следовании аксиологическим принципам, которые, определяя общую направленность познавательной деятельности человека, зачастую приобретают вид диалектических запретов, исключающих возможные крайности в процессе изучения классифицируемых явлений. Так, в иерархической системе ценностей нельзя принимать высшее за низшее или, наоборот, приписывать низшему черты высшего; нельзя полагаться исключительно на показания формы, трактуя внешне похожие явления как идентичные по своей внутренней сути, или, наоборот, игнорировать формальные различия и учитывать только содержательную сторону анализируемых феноменов; нельзя целиком и полностью отождествлять стандарты и стереотипы, существующие на различных участках одного и того же объекта, или, наоборот, оставлять без внимания их определенное подобие; нельзя отказывать-

ся в научном исследовании от помощи здравого смысла, который является началом всех начал в любой области человеческого знания, или, наоборот, абсолютизировать его, забывая о том, то он сплошь и рядом довольствуется, как заметил еще Parmenid, обманчивыми впечатлениями «легкомысленного глаза» и «оглушенного уха»; и т. д.

Но стоит нам попытаться навести мосты между первой очевидностью и второй, т. е. поставить задачей выяснение того, как именно должен осуществляться систематизационный процесс в сфере предложений, чтобы ни его характер, ни обеспечиваемые им результаты не вступали в противоречие с упомянутыми аксиологическими принципами, мы тут же попадаем в положение путников, которые с удивлением обнаружили, что оказались далеко в стороне от торной дороги и не представляют даже, где она вообще находится. Объяснение этому несколько неожиданному и вместе с тем глубоко закономерному факту найти несложно. Синтаксическую науку, подобно любой другой науке, пронизывают десятки разнообразных тенденций, возникших в разное время и порожденных стремлением увидеть ее объект — предложение под разными углами зрения. Именно поэтому у исследователя нет и не может быть заранее заданной, вполне готовой теоретической программы, которую можно было бы наложить на подлежащий анализу эмпирический (речевой) материал. Классификационные основания приходится всякий раз (на разных этапах развития синтаксической теории) вырабатывать заново, сообразуясь с системой ориентаций и ценностных установок, идущих от наиболее перспективных для данного конкретного времени научных концепций, открывающих новые подходы к старым проблемам.

Характер предпринятого в этой книге типологического описания русского предложения, как уже отмечалось в Предисловии, целиком и полностью определяется современными семантико-функциональными представлениями, специфику которых можно уяснить лишь в рамках широкого историко-лингвистического контекста. Для этого нам придется пребежать взглядом наиболее важные страницы истории лингвистики, ни на минуту не упуская из виду, что свойственные ей общие тенденции в отдельных странах могут существенным образом трансформироваться под влиянием всякого рода местных условий (начиная от сложившихся научных традиций и кончая наличной политической системой).

До недавнего времени историки науки свято веровали

в линейный характер научного прогресса: считалось само собой разумеющимся, что развитие научного знания предполагает постепенное и неуклонное накопление «вечных истин», обнаруживаемых в ходе расширения эмпирического базиса. И лишь после пионерских работ американского исследователя Т. Куна, первая из которых относится к концу 50-х годов (Kuhn, 1957), стало ясно, что кумулятивистские взгляды слишком прямолинейны и односторонни и что в действительности движение научной мысли подчинено своеобразному двухтактному ритму. Это означает, что история каждой отдельно взятой науки есть цепь чередования двух взаимосвязанных и вместе с тем противоположных процессов: с одной стороны, процесса революционного становления научной парадигмы (иначе — дисциплинарной матрицы), за дающей специфический способ видения наукой своего предмета, а с другой — процесса «нормального» научного развития, предполагающего освоение данной парадигмы, вплоть до того момента, когда будут выявлены аномальные факты, адекватная интерпретация которых потребует очередной реформации научного менталитета (Кун, 1977).

Смена парадигм (осуществляемая, несмотря на свой революционный характер, постепенно и отнюдь не исключающая существования в том или ином историческом пространстве старых и новых взглядов) приводит к тому, что исследователи рано или поздно оказываются вынужденными покинуть границы «светового круга», образованного предшествующими научными теориями, и вступить в «световой круг», отбрасываемый становящейся парадигмой. При этом из прежнего знания, естественным образом, отвергаются гипотезы, обнаружившие свою неадекватность действительности (как это, например, было с геоцентрической концепцией Птолемея, с теорией теплорода и т. д.). Что же касается всех остальных представлений, подтвержденных опытом, они сохраняются в границах своей применимости и, в согласии с так называемым «принципом соответствия», включаются в новые, более общие теории в качестве частных или предельных случаев (ср. законы классической механики Ньютона в их отношении к теории относительности Эйнштейна).

Вполне понятно, что парадигмы, действующие в той или иной области человеческого знания, носят сугубо специфический характер, поскольку призваны решать проблемы именно данной, а не какой-то другой области знания. Но одновременно они отражают движение общеначальной мысли

и тем самым конституируют каждую отдельно взятую науку как необходимую составную часть единого научного комплекса. Иллюстрацией этой закономерности может служить история любой науки, в том числе и лингвистики, за время своего существования имевшей дело с тремя научными парадигмами, в основании которых лежали принципы, известные не только ей, но и другим наукам.

Первая по времени парадигма (мы ее будем условно называть элементно-таксономической) возникла вместе со становлением лингвистики как науки, т. е. в тот период, когда она буквально «с нуля» начинала исследование своего объекта — человеческого языка. Эта парадигма принесла с собой представление об уровневой организации языка и видела свою задачу в выявлении и классификации основных единиц фонетического, лексического, морфологического и отчасти синтаксического уровней. Ее главным методом стал широко распространенный в ту пору в самых различных сферах научного знания (например, в биологии, химии и т. д.) метод сравнения, впервые продемонстрировавший, что лингвистика не свободна от тенденций, действующих в соседних областях науки. Долгое время он носил, как свидетельствует опыт языковедов Древней Индии, античных исследователей, авторов общих и национальных грамматик Средневековья и Возрождения, синхронный характер, т. е. обеспечивал описание языка, взятого в одной временной плоскости. Позднее, в первой четверти XIX века, когда умами европейцев уже овладела идея всеобщего развития, сравнение в лингвистике, как и в других науках (в биологии, геологии и т. д.), было поставлено на историческую основу: элементы того или иного индоевропейского языка вычленялись и квалифицировались с «оглядкой» либо на соответствующие элементы родственного языка, либо на элементы того же самого языка, но более раннего периода развития.

Состоявшаяся трансформация метода сравнения оказалась весьма результативной. Сторонники сравнительно-исторического изучения языка склонны были даже полагать, что компаративизм вообще сделал лингвистику наукой¹. Это, конечно, лишь одна из гипербол, на которые был так щедр

¹ Ср. показательное в этом отношении замечание Д. Н. Овсянико-Куликовского: «Наука о языке, лингвистика, есть одно из славных созданий истекающего XIX века» (Овсянико-Куликовский, 1989, т. 1, с. 66).

опьяненный успехами человеческого разума XIX век. Но отрицать тот факт, что с компаративизмом в языковедение пришла известная строгость научного анализа, которая и обеспечила реализацию главной установки элементно-таксономической парадигмы — исчисление и первичную классификацию основных уровневых единиц языка, было бы по меньшей мере несправедливо.

Вместе с тем на рубеже XIX—XX столетий стало ясно, что триумф сравнительно-исторического метода стоил языкоznанию определенных, весьма существенных жертв, для указания на которые позднее начали употреблять термин «атомизм», призванный подчеркнуть изоляционистский характер существовавшего тогда научного анализа, регистрировавшего и объяснявшего языковые элементы вне связи друг с другом. Осознание этого недостатка явилось симптомом и следствием начавшихся в науке того времени (прежде всего, в философии, социологии, психологии) мировоззренческих перестроек, которые имели целью установление представлений о системной организации всего сущего и которые в конечном счете обусловили переход лингвистики на позиции системно-структурной парадигмы.

Эта парадигма, которую справедливо связывают с именем знаменитого швейцарца Ф. де Сосюра, основывалась на допущении, что элементы языка могут быть квалифицированы с достаточной полнотой и необходимой строгостью в том и только в том случае, если они будут рассматриваться как составные части более широкого универсума, представляющего собой некую систему и определяющего наиболее существенные (приобретенные в системе) свойства каждого отдельно взятого элемента. Этот взгляд на вещи означал перенос центра тяжести в лингвистическом исследовании на языковую имманентность, что потребовало жесткого ограничения языка от всякого рода смежных феноменов и последовательной реализации принципов методической дифференциации таких явлений, как язык и речь, синхрония и диахрония, парадигматика и синтагматика.

В рамках системно-структурной парадигмы оформилось несколько научных направлений, различавшихся не только конкретными исследовательскими целями, но и привлеченными приемами описания языка. Последние, однако, имели то общее, что ориентировались на характеристику взаимозависимостей языковых (иногда речевых) элементов либо в тексте, либо в языковом сознании (или даже в подсознании) говорящих индивидов.

В общем итоге приобретения системно-структурной парадигмы были весьма ощутимыми (ср. хотя бы разработку принципов фонологического описания звуковых подсистем). Однако с высоты нашего позднего знания хорошо видно, что они не оправдали тех больших надежд, которые возлагались на эту парадигму в процессе ее становления, поскольку носили в основном частный характер. Что же касается глобальных языковедческих гипотез (выдвинутых, например, генеративной лингвистикой Н. Хомского), они не получили адекватного лингвистического решения. Все это в совокупности и обусловило недолговечность системно-структурной парадигмы, просуществовавшей в общей сложности чуть больше пятидесяти лет.

Последующее развитие лингвистики было связано с теми общенакучными взглядами, которые стали складываться еще в начале нашего столетия. Именно в это время в мировой философии дала о себе знать кризисная ситуация, обусловленная крушением старых изоляционистских представлений, в соответствии с которыми человек рассматривался как замкнутое в себе самодостаточное существо. Философия отреагировала на нее становлением целой серии экзистенциальных концепций (первые из которых оформились или накануне, или почти сразу после мировой войны 1914—1918 годов), стремительным развитием аксиологии — науки о познавательной деятельности человека и окончательным превращением герменевтики из чисто прикладной дисциплины, имевшей дело с каноном правил об обращении с текстами, во всеобъемлющую науку о понимании. В итоге на передний план выдвинулась важнейшая проблема — проблема взаимоотношений человека со всем сущим (обществом, природой, Богом).

В других науках, объединенных интересом к различным видам и формам человеческого существования (в первую очередь, духовного), аналогичная кризисная ситуация заявила о себе примерно в середине нашего столетия (где-то чуть раньше, где-то позже). Но реакция на нее была в общем той же самой (если иметь в виду ее существование). В психологии окончательно возобладала тенденция (наметившаяся в работах Л. С. Выготского и К. Г. Юнга) к социальной интерпретации сознательного и бессознательного в человеческой психике; в биологии и смежных науках приоритетные права приобрели экологические взгляды.

В этих условиях лингвистика довольно быстро осознала, что недостатки структурных направлений являются следствием не преодоленного до конца изоляционизма, но уже не на уровне отдельных языковых элементов (как это было в рамках элементно-таксономической парадигмы), а языка в целом, анализировавшегося в полном соответствии с требованием Ф. де Соссюра рассматривать его «в самом себе и для себя». Тем самым был расчищен путь для новой, третьей по счету, номинативно-прагматической парадигмы, ориентированной на изучение внешних связей языка — с действительностью, которую он отражает, и с человеком, которому он служит. Становление этой парадигмы началось на рубеже 50—60-х годов в сфере лексикологии, словообразования и морфологии (прежде всего аспектологии, которая с давних пор является своеобразным полигоном для испытания всякого рода новых идей и методик). Позднее (примерно через десятилетие) она распространила свое влияние и на синтаксис, в рамках которого две предшествующие парадигмы оказались недостаточно результативными. К настоящему времени формирование номинативно-прагматической парадигмы практически закончилось. И хотя за ней пока еще не следует блестящая свита свершенных деяний, ее общие контуры вырисовываются достаточно отчетливо, и лингвистика (особенно синтаксис), получившая благодаря ей доступ к проблемам, о существовании которых она буквально вчера даже не подозревала, стремительно меняет свой облик.

В основание новой парадигмы при ее возникновении легли три теории, каждая из которых претерпела в последующем (или претерпевает сейчас) существенные трансформации, — теория номинации, теория референции и теория речевых актов.

Теория номинации, стоявшая у истоков парадигмы (с точки зрения развертывания последней во времени), вынесла на повестку дня вопрос об отражательных потенциях билатеральных языковых единиц, в том числе и предложений, при номинативной характеристике которых исследователи прошлого довольствовались туманным заявлением о том, что словесные формы, синтаксические связи и отношения в их составе не прямо, а лишь опосредованно отражают соответствующие явления, связи и отношения внешнего мира. Изучение действующих здесь закономерностей осуществлялось и осуществляется на базе следующих основополагающих принципов:

— Язык, будучи инструментом общения, в то же самое время является социальным руководством к духовному (мыслительному) освоению окружающего мира.

— Отражение сущностных структур бытия язык способен обеспечивать благодаря тому, что, предоставляя в распоряжение мышления свои категории и формы, он создает тем самым все необходимые условия для систематизации действительности, без чего само существование человека невозможно даже биологически.

— Процесс систематизации данных опыта протекает на основе минимумов, взятых из действительности, но категоризованных языком различительных признаков, которые и разрешают сведение бесчисленного множества явлений, свойств, отношений и связей внешнего мира к конечному набору языковых классов.

— Инвентарь избираемых различительных признаков (образующих сигнификат того или иного знака), несмотря на то, что они имеют объективную основу, в определенной степени условен и меняется от языка к языку, однако эти различия в способах моделирования действительности (членения и систематизации ее) не препятствуют адекватному восприятию мира людьми, говорящими на разных языках.

— Языковая номинация предполагает не только «собирание мира в слово» (Г. Г. Гадамер), но и ролевую спецификацию самих номинативных единиц, которые способны выполнять в процессе речетворчества строго определенные функции.

Взятые по отдельности, эти принципы не представляют собой ничего существенно нового: соответствующие соображения уже не раз высказывались (хотя бы в дискуссионном порядке) представителями самых разных лингвистических направлений. Но сведенные воедино и ставшие специфическим инструментом языкового познания, они буквально удесятерили свою объяснительную силу и создали все необходимые предпосылки для конкретных исследований, ориентированных на выявление и систематизацию номинативных потенций тех или иных языковых единиц. Вместе с тем благодаря им лингвистика была поставлена перед необходимостью переосмыслиния ряда языковедческих констатаций и, в частности, реформирования трактовки отношений составляющих треугольника «язык—мышление—действительность». До тех пор пока язык рассматривался — в явной или неявной форме — как кодовая система, призванная служить сред-

ством презентации уже готовых результатов мыслительных операций, считалось чем-то само собой разумеющимся, что связь языка и действительности носит непрямой характер, причем роль опосредующего звена играет как раз мышление. Теория номинации с таким представлением мириться уже не может (для нее язык, наоборот, опосредует связь действительности и мышления) и, в сущности, возвращает лингвистику на позиции В. Гумбольдта, элиминировав в его этнолингвистической концепции те крайности, которые были предельно заострены в гипотезе Сепира—Уорфа².

Одновременно наметилась тенденция к изменению расположения акцентов в самой теории номинации, что было обусловлено происшедшим переосмыслинением характера ее отношений с вторым концептуальным источником номинативно-прагматической парадигмы — теорией референции.

Теория референции, появившаяся на лингвистических подмостках несколько позже теории номинации, изначально принадлежала к числу познавательных средств логической науки, освоенных ею еще в XIX столетии, прежде всего в работах Г. Фреге (Frege, 1884), и до сих пор сохраняет в новой для нее области отчетливые следы своего происхождения³. Это, в частности, находит отражение в представлениях о сфере ее приложимости. Нередко задачу этой теории видят в изучении отнесенности к действительности (точнее, к ее объектам — референтам) только актуализованных имен или их эквивалентов. Что же касается предложения, считается, что оно само по себе референционными свойствами не обладает (Арутюнова, 1968, с. 154). Между тем к настоящему времени сложилось и другое, собственно лингвистичес-

² Лингвистика сейчас вполне отдает себе отчет в том, что человеческий язык вolen обращаться к любым способам организации и систематизации данных опыта, использовать любые, подчас самые неожиданные технические средства и приемы, но не имеет права лицедействовать и лукавить (как это, например, делает искусство) — в противном случае наша жизнь в мире из-за превратных представлений о нем (навязанных языком, которому мы себя вверяем!) стала бы вообще невозможной.

³ Стого говоря, референцию (отнесенность содержания высказывания к действительности) отдельные лингвистические теории принимают во внимание едва ли не с 20-х годов нашего столетия. Однако по вполне понятным причинам они не ставили целью раскрыть содержательную сторону процесса референции и ограничились лишь регистрацией того, в каких языковых формах факт референции выражается (Виноградов, 1975).

кое толкование референции, согласно которому референтную характеристику в процессе актуализации получает именно предложение (точнее, высказывание) и только через него — слова и сочетания слов, остающиеся вне рамок последнего всего лишь «сырым материалом» (Падучева, 1985; Гак, 1973).

Это толкование вполне согласуется с хорошо известным фактом двойственности языка (если последний понимать широко — как один из видов человеческой деятельности): с одной стороны, язык не может существовать не обобщая — в противном случае он превратился бы в грандиозную коллекцию этикеток, освоить которую человеческий ум был бы не в состоянии, с другой стороны, язык не может существовать не конкретизируя — в противном случае люди просто не поняли бы друг друга. Именно эта языковая двойственность обязывает говорящего прибегать в процессе речетворчества, по счастливому выражению Э. Бенвениста (Бенвенист, 1974, с. 69 и след.), к процедуре двойного означивания: используя соответствующее номинативное средство, он вначале регистрирует денотат — класс реалий, отвечающих сигнификату, закрепленному за этим средством, а затем с помощью соответствующих процедур выделяет референт, представляющий собой отдельно взятый, доведенный до порога узнавания элемент денотативного класса. Отсюда следует, что есть все основания квалифицировать номинацию как родовое понятие, включающее два тесно связанных и взаимно предполагающихся видовых понятия — обобщающую (денотационную) номинацию и номинацию индивидуализирующую (референционную). Первая из них обеспечивает категориальную объективацию жизни в языковых формах, а вторая является чем-то вроде обратного перевода категориальных объективаций на язык конкретных фактов. Иными словами, теория номинации ориентируется на изучение закономерностей, действующих на дороге с двусторонним движением: из мира в язык и назад — в мир.

Само собой разумеется, что этот взгляд на вещи (принимаемый в нашей книге) требует определенной ревизии исследовательских представлений: теория референции, естественно, должна рассматриваться как часть теории номинации (а не как нечто рядоположное с ней); соответственно принципы, выработанные теорией номинации на предшествующем этапе ее развития, могут прилагаться не к номинации вообще, в целом, а лишь к номинации обобщающей (денотационной).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru